

Зейналова Д. В.,
*кандидат філософських наук, доцент кафедри
азербайджанської літератури Азербайджанського університету мов, мови,
доцент Університету Хазар*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В НОВОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. Современный азербайджанский роман развился в контексте моральных и этических поисков в 60–70-х гг., но в 1990-х гг. национализм стал основным качеством азербайджанской литературы, которая стала началом нравственной, идеологической борьбы за национальное освобождение, независимость через серию литературно-эстетических событий. Влияние различных эстетических и художественных факторов, тех или иных философских идей и тенденций видны в последующей фазе развития жанра с 1990 по 2010 г. Фрагментация, множественность, сложность действительности около 1990–2010 гг. стали одной из наиболее распространенных проблем в романе. Таким образом, в современной азербайджанской прозе жанр модифицируется, опираясь на новые методологии и заменяя социалистический реализм различными версиями реализма и других модернистских или постмодернистских стилей.

Ключевые слова: современная проза, «звуковой» роман, символика, условность, ассоциативный сюжет, роман «Голос», народный танец, магический реализм.

Постановка проблемы. В истории азербайджанской литературы, относящейся в новой прозе, ее неповторимость, характер, в основном, связаны с концепцией экзистенциализма в западной культуре XX века. Новая проза Азербайджана напрямую связана с «философией существования». На протяжении XX века и в особенности во второй половине этого столетия «экзистенциальное мышление», лежащее в основе метаморфоз и процессов, коренным образом меняет представления о человеке, появляются литературные и художественные образцы, говорящие о новом художественном сознании, уровне художественного мышления [1; 4].

По сравнению с литературой советской эпохи масштабы влияния нашей современной прозы в различных сферах общественной жизни расширились. Независимость создала такие возможности для художественной лексики, через которые могут быть раскрыты все скрытые возможности истории народа, его духовной и материальной памяти. Это очень важно для понимания и обобщения опыта 40–50-х гг. и последующего периода нашей истории. По-видимому, модификация жанра романа в современной азербайджанской прозе связана с несколькими факторами:

1) конец сталинизма и свобода мысли, вытекающая из этого;

2) усиление влияния западной литературы и философской мысли на русскую прозу 60–90-х гг. XX века [3; 7].

Цель статьи – рассмотрение художественного воплощения социально-психологических проблем в новой азербайджанской прозе.

Изложение основного материала. О новизне романа и новаторстве в современной азербайджанской прозе, состоящих из новых направлений и поисков, определяющих роман как процесс, можно судить по интересному творчеству талантливого писателя Мовлуда Сулейманлы. Его творчество начиналось с лирических стихов, затем он обогатил азербайджанскую прозу романами «Миграция», «Ореховый червь», «Благословение греха» и «Голос». С точки зрения передачи исторической реальности, психологизма, актуальности идеи и оригинальности сюжета, который держит читателя в тревожном ожидании, роман «Голос» особо привлекает внимание [12].

«Голос» – это один из немногих романов, где события не происходят в одном временном измерении: прошлое, настоящее и будущее органически соединено. Это сочетание, безусловно, влияет на композицию и сюжет работы и определяет их. Сюжет и композиция романа, на первый взгляд, отличаются своей сложной структурой. Однако эта сложность искусственно не создается писателем, естественный поток событий, образы и конструктивная основа взаимоотношений между ними обуславливают именно такую композицию и сюжет [12].

На самом деле этот роман есть описание событий, происходящих не через слова, а через звуки. Роман «Голос» тем и отличается от других произведений указанного автора, что здесь психологизм и быт представлены через изображение современности и проблем нравственности на материалах городской тематики. В основе романа лежит трагический кризис человеческой жизни (Хейли) и история судьбы этого человека. Звук привлекает внимание не только суровым социальным пафосом, избыточным реализмом, но и художественно-эстетическим воплощением индивидуального стиля, его необычностью.

В целом, ряд произведений М. Сулейманлы («Дьявол», «Мельница») выходит далеко за пределы «социалистического реализма». В романе в центре внимания находится судьба жителей шестизэтажного здания. Несомненно, «старинное здание с фасадом, обращенным к крепостным стенам» символизирует суть советского режима, а Искендер и его братья, которые занимаются торговлей наркотиками в подвале здания, демонстрируют эротические фильмы на верхнем этаже этого же здания.

Автор успешно использует возможности метафорического стиля, в котором используются суровые цвета. Автор иносказательно показывает, что этот режим, основанный на гнилых опорах (например, торговля анашой), неизбежно рухнет: «Пусть рухнет этот дом, будет стерт с лица земли! Это было необходимо сделать, когда мечеть рухнула перед нашими глазами» [13, с. 473]. Или вот еще отрывок: «Шестизэтажное старинное здание, которое почернело от грязи и дряхлости, треснуло от основания, как будто в него вбили кол, со стоном стены стали

расходиться. <...> Семьдесят, восемьдесят лет назад маленькому рыжему человеку сказали, что он не должен строить здесь дом. Рыжеволосый невысокий человек внезапно разбогател, а поскольку и работа подобных богачей была также неожиданной, то и дом был построен с помощью тех, кто хотел внезапно разбогатеть. В основание, фундамент дома рыжеволосый человек бросил, не считая, горсть денег. И оттуда же пошла трещина <...> эй, рыжий, деньги-то твои оказались осколками» [13, с. 575].

Писатель смело использует символику, художественно-философскую условность, резкие метафоры, детально реализует психологическое умонастроение и находит эпитеты, которые превращают их в чувственные, осязаемые, привлекательные образы: «И тогда это был такой голубоватый, черноротый, с разноцветными лапами, борзой пес; он просто укладывал морду на свои лапы и глядел на крепостные стены, которые выглядели в темноте еще более черными; он помнил лишь свою кличку: «Параг» [13, с. 343]. В мозаике этих эпитетов переплетается сказка и история, легенда и правда, то борясь, то мирясь друг с другом.

В романе «Голос» образ жизни периода советского политического режима также находится в центре художественного анализа. При этом политическом режиме сформировалась структура, которая подавляла человека. Мы наблюдаем, как самыми разными формами и средствами унижают человека, видим, как он опустошается духовно и, в конечном счете, скатывается к моральной и духовной деградации.

На одном полюсе общества находятся люди, которых режим сломил, уложил в свои рамки, у которых разрушена духовность, на другом полюсе – люди, которые имеют целостный характер, переживая трагедию своей чистоты, нестигаемости, искренности. В романе «Голос» Умбикя, Руфат, Халей, тетка Бута, Баллы входят в число этих образов. Как Халей, так и Умбикя, Руфат, тетка Бута также проявляют в своем характере целостность, чистоту и искренность.

Писатель уверяет читателей, что эти образы переживают трагедию своей жизни. Суть произведения состоит в том, чтобы столкнуться антипод с реальными жизненными качествами, раскрыть его сущность на фоне образа жизни людей, которые живут обычной человеческой жизнью, и побудить нас думать о личных безобразностях, которые часто происходят в нашем окружении. Сочетание красоты и безобразности, их соседство – не редкость. Однако в зависимости от характера эстетического отношения к действительности каждый писатель воспринимает это противоречие по-своему, описывая и интерпретируя его. Эта проблема обусловлена личностью художника, его мировоззрением, эстетическим кредо, художественным вкусом и стилем, совокупностью объективных исторических и литературных факторов, которые делают личность писателя уникальной.

Во имя естественности в своем творчестве М. Сулейманлы сознательно отказывается от всех красок, показа резких противоречий, парадоксов, а также публицистического вмешательства и публичных обвинений, предпочитая изображать события в морально-психологическом ключе. Описание и подобный подход к творчеству не могут не повлиять на художественные средства и способы изображения. Поэтому не представляется неожиданным обращение автора к условностям, аллегориям, метаморфозам того или иного объекта.

Отношение искусства, к примеру, к музыке, литературе, театру или голосам природы в каждом конкретном случае имеет определенную идейно-философскую и эстетическую подопле-

ку. Голос как одна из природных особенностей бытия в романе выражает духовное кредо автора, его мировоззрение и настроение, играет роль проводника в выражении своеобразия сюжета и композиции.

По сравнению с музыкальным искусством в искусстве слова звуковые возможности намного уже. Однако в романе «Голос» автор создает своим творчеством впечатление того, что у него даже чувства говорят: «А что означает подхалимство? Это означает съежиться, стянуть плечи, не говорить громко, в полный голос, как настоящий мужчина, когда специально изменяют тембр голоса, чтобы он стал небольшим и мертвым... У подхалимства тоже есть свой цвет, свои брызги водяные, которые попадают на лицо, бледное, жалкое...» [13, с. 456].

В этой среде со своеобразными правилами совместного проживания Халей выделяется среди других своим стремлением к гармонии, нежеланием с ней расстаться: «В студенческие годы он оставался в глубине крепости, снимал крохотную комнату... Он сидел, обставленный с четырех сторон книгами, занимался; однако сейчас он не помнил, о чем читал. Все-таки здесь было что-то от дервишества»; «...И ты бог. Все тайны и ты можешь постичь и познать. Для этого стремись к действию, проливай пот, пройди через голод и лишения. Не бойся похудеть, потерять внешний вид, съежиться, в конце остается свет, ты его будешь излучать...» [13, с. 368]

Основной особенностью этого образа является умение глядеть внушительным взглядом вдаль и в глубину, поднимать видимые и невидимые для себя завесы для достижения подлинной сути происходящего. Более всего впечатляет читателя социально-художественная проблема, состоящая в том, что Халей замыкается в своем внутреннем мире, его одиночество, вернее, его стремление уединиться, отстранение от окружающей среды – все это стало иногда временной привычкой, иногда – жизненной потребностью. Среда стесняет тех, кто слушает голос своей совести, поступает в соответствии с ней, она становится причиной глубоких нравственных потрясений и способствует, в конечном счете, отрешению от мира и жизни в целом.

Мысли и чувства Халея внушены ему через скорбь и страдания, последовавшие через одиночество мыслей и чувств, непонимание его окружающими. Однако истинная причина в том, что это психологическое состояние никак не может ослабить сопротивление и выносливость героя: ни его человеческие чувствования, ни то, что может оскорбить его гордость и честь. Возможно, даже наоборот: на первый план выступает возможность сопротивляться всяким конфликтам, нравственным столкновениям. Это сопротивление, эта способность все вынести выступает как своеобразное выражение гражданской активности. Есть характерные эпизоды мещанства, жестокости, цинизма, жадности и грубой административной силы: «Парнишка только начал осознавать слова, произнесенные Халеем, вернее, его молитвы... Если ты можешь усмирить армию, которая находится у тебя внутри, можешь проглотить слово, которое хочешь сказать, свой крик, значит, ты проглатываешь сам себя. Раб именно так и появляется: если храбрый, неустрашимый, отважный народ вынужден 70 лет проявлять угодничество, то опрятность в применении закона, воинственность может измениться, то есть частицы крови при необходимости не пробудятся, они станут ленивыми, будут толстеть, употреблять не по правилам, могут слотнуть плевок, засмеяться при оскорблении их. Кровь внутри нас как знамя – пока развевается, мы живем» [13, с. 508].

Философия жизни, замешанная на мыслях, чувствах, эмоциях и их сложной структуре, – таким является нравственный показатель героев М. Сулейманлы, на основании которого можно легко представить образ жизни, идентичность и уровень жизни, в которых изображены эти герои. Кстати, в прозе М. Сулейманлы мало освещен классический тип, основанный на принципе строгой последовательности фабулы-времени эпического повествования. Его повествование сложное, многомерное, синтетическое. Это мозаичная запись, построенная на внутренних монологах, психо-ассоциативных воспоминаниях и ярких воспоминаниях памяти.

Ассоциативный сюжет романа связан с образом Собаки, с отражением различных потрясений в его характере. Основная сюжетная линия, ее внутренняя динамика – это конфликт, столкновение жителей шестиэтажного дома, чьи окна выходят на крепостные стены, с Халеем (а также с Псом). В ассоциативном сюжете конфликт выражен во внутреннем мире Пса и создает тем самым целостность композиции. Все, что Пес видит, слышит и ощущает, влияет на формирование его внутреннего мира. Как и Халей, при желании отдалиться от жестких реалий он удаляется в мир сна и представлений: «Боль внутри Пса была той же самой болью, однако поскольку эта боль была уже старой, привычной, Пес не выл и не лаял каждую минуту».

Продолжая повествование, автор пишет: «А теперь он спал, поскольку большая злоба, злость, державшая его, отступила. Однако сон длился всего мгновение, но оно продолжалось тысячелетия: вначале он увидел табун лошадей, за ними осталась дорога кровавого цвета... Затем он увидел водителя машины с картошкой, который стоял напротив Пса и звал его: Параг, Бойнаг, Ганыг, Бойсар. Все эти имена смешались в сознании Пса, он во сне даже пошевелил хвостом».

В романе «Голос» Пес является ведущим образом. Подобные образы, способствующие раскрытию художественной мысли, моральных устоев, есть и в англоязычной (см. произведения «Белый клык» и «Зов предков» Джека Лондона), и в русской литературе; отметим, что в последние годы число произведений с подобными образами выросло и стало значительной художественной силой. В этом отношении интересны произведения Г. Троепольского «Белый Бим Черное Ухо», Чингиза Айтматова «Плаха», В. Распутина «Прощание с Матёрой». В указанных произведениях мастера слова построили свой сюжет на основе художественных поисков философско-эстетического смысла жизни и на изображении существования животных. Роман «Голос» также принадлежит к подобным произведениям (которых на самом деле, разумеется, еще больше).

Это произведение, которое поставило перед читателем исключительно серьезные вопросы нравственно-этического плана, запоминается именно сюжетной линией Пса. Люди, ставшие символом безнравственности, бесчестности, низости и алчности (это мир таких, как Искендерли, Баладжунлу и т. д.), их достаток, происходивший из отвратительных источников, нарушили спокойный ритм жизни Пса: «Пес, положив морду на лапы, смотрел на верхние этажи. Оттуда были слышны звуки, похоже, что там как будто копали... Пес ворчал про себя. Он что-то не гавкал, возможно, пока не привык к Хармею, может, он сторонился его, непонятно... Тофик взял сверток и прошел прямо перед носом Пса. Да, тот самый сверток с запахом, густым, как запах клея, резким запахом. Когда-то группа людей, что-то закурив, пустила дым прямо в морду Пса, впоследствии Пес не смог поднять голову, он дополз до подвала;

все это он хорошо помнил, и потому с лаем он бросился на Тофика. Тофик, повернувшись, пнул Пса ногой, от боли Пес завизжал и стал мотать головой» [13, с. 386–387].

Образ Пса, выделявшийся по своей художественной выразительности, создан для показа общечеловеческих черт человеческой судьбы. То, что произошло с несчастным Псом, показывает сложность перипетий человеческой судьбы, а подход к анализу событий с точки зрения психологии Пса помогает прояснить многое, делает все более реальным и ясным, глубже раскрывает смысл происходящего. Для выражения в романе груза общественной напряженности, прочувствования внутреннего мира героев образ Пса создан с большим художественным мастерством, он остается в памяти читателей как странная судьба животного, сыгравшего существенную роль в судьбе героев.

В романе сильные ассоциации также создаются благодаря сюжетам с метафорическим и условно-метафорическим содержанием, связанным с Саком Модю. В целом в произведениях отдельных представителей прозы 60–90-х гг. уделяется особое внимание символике, условным обобщениям, фольклорным сюжетам и мотивам. В прозе писателя интерес к мифу не был быстротечным, выступая как составная часть творческого стиля.

Мифические взгляды в прозе М. Сулейманлы не смотрятся как какое-то историческое прошлое, но выступают в современном контексте человеческой жизни, просматриваясь непосредственно в этническом сознании, контексте «общество – личность». В произведении сущность Сака Модю может быть прослежена в контексте поиска гармонии природы и общества. Так, в фольклорных текстах фигура дервиша выступает в двойственной сущности. С одной стороны, она является помощником, проводником божественной информации, с другой – приводит людей в смятение своей игрой, шутовством. То есть в его генезисе есть элементы и культурного героя, и трикстера: «Сак Модю уже был возведен в сан. Глядя на Лала, он пару раз рыгнул, затем подставил голову под краник кипящего самовара возле печи. Пар застлал комнату, на мгновение ничего не было видно. Сак Модю что-то говорил, но ничего не было понятно. Лицо стало белым и потому черный цвет бороды стал иссиня-черным. Затем он не удержался на ногах, на мгновение как бы стал парить в воздухе...» [13, с. 360].

Образ дервиша, оставаясь архетипичным, заключал в себе ряд особенностей древнего шамана, особенности различных сект, в том числе особенности народного суфизма, некоторые образы святых Корана; все это сформировало как структуру, так и сложную схему содержательных слоев этического произведения: «Сак Модю произнес, напевая: «Раскрылся райский цветник, источая аромат, о Боже!». Он прошел среди людей, будто увидев что-то вдали, у него были совершенно белые усы и борода. Он произнес, как бы во сне: «Эта новая власть сгноит меня. Они впрягут меня в телегу, куда погонят, понятия не имею. Самеда сошлют в Сибирь, а Ахмеда сделают председателем. Поскольку подхалимы останутся без дела, они начнут доносить на людей. Все станет предметом торговли, в том числе Бог» [13, с. 534].

Выводы. Мифологические элементы в романе «Голос» выполняют роль выражения современных философско-этических проблем, и именно поэтому все признаки, которые на первый взгляд выглядят старыми, сами по себе и в составе художественного текста содержат совершенно новый и современный смысл.

Как видно, в современной азербайджанской прозе роман строится на основе синтеза условности реализма при художественном анализе современного общества, реалий в сочетании с ирреальным, условным. В изображении жизненных событий здесь налицо стремление к более сложным формам, средствам художественного отражения действительности.

Литература:

1. Бахтин. М. Франсуа Рабле в истории реализма / М. Бахтин. – М. : 2008. – 1120 с.
2. Алишаноглу Т. Поэтика азербайджанской прозы XX века / Т. Алишаноглу. – Баку: Эльм, 2006 (на азербайджанском языке).
3. Ахмедов С. Запрещенная игра / С. Ахмедов. – Баку : Язычи, 1988 (на азербайджанском языке).
4. Иманов М. Психологизм в современной азербайджанской прозе (60–70-е годы) / М. Иманов. – Баку : Эльм, 1991 (на азербайджанском языке).
5. Иманов М. Эпос. Проза. Проблемы / М. Иманов. – Баку : Эльм, 2011 (на азербайджанском языке).
6. Комовская Е. Жанровая специфика современного романа / Е. Комовская // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – № 12, 2016. – С. 138–146.
7. Кожин В. Происхождение романа / В. Кожин. – М. : 1986. – С. 118.
8. Караев Я. Мерило – личность / Я. Караев. – Баку : Язычи, 1988 (на азербайджанском языке).
9. Караев Я. История: близкая и далекая / Я. Караев. – Баку : Сабак, 1995 (на азербайджанском языке).
10. Лукин А. В магическом лабиринте сознания. Литературный миф XX века / А. Лукин, В. Рынкевич // Иностранная литература. – № 3, 1992. – С. 234–249.
11. Салахлы (Аран) С. Психологизм в азербайджанской прозе в 60–80-е годы XX столетия (монография по творчеству Мовлуда Сулейманлы) / С. (Аран) Салахлы. – Баку : 2004. (на азербайджанском языке).
12. Саламоглу (Джавадов) Т. Вопросы новейшей азербайджанской литературы. Монография и литературно-критические статьи / Т. Саламоглу (Джавадов). – Баку : Изд. Бакгосуниверситета, 2008 (на азербайджанском языке).
13. Сулейманлы М. Три романа / М. Сулейманлы. – Баку : Изд. «Азербайджан», 2004. (на азербайджанском языке).

Зейналова Д. В. Художне втілення соціально-психологічних проблем у новій азербайджанській прозі

Анотація. Сучасний азербайджанський роман розвинувся в контексті моральних і етичних пошуків у 60–70-х рр., але в 1990-х рр. націоналізм був основною якістю азербайджанської літератури, яка стала початком моральної, ідеологічної боротьби за національне визволення, незалежність через серію літературно-естетичних подій. Вплив різних естетичних і художніх чинників, тих чи інших філософських ідей і тенденцій проглядається в наступній фазі розвитку жанру з 1990 по 2010 р. Фрагментація, множинність, складність дійсності 1990–2010 рр. стали однією з найбільш поширених проблем у романі. Таким чином, у сучасній азербайджанській прозі жанр модифікується, спираючись на нові методології й замінюючи соціалістичний реалізм різними версіями реалізму та інших модерністських або постмодерністських стилів.

Ключові слова: сучасна проза, «звуковий» роман, символіка, умовність, асоціативний сюжет, роман «Голос», народний танець, магичний реалізм.

Zeynalova D. Art awareness of social-psychological problems in the new Azerbaijan prose

Summary. Modern Azerbaijani novel developed in the context of more moral and ethical searches in the 60s and 70s, but in the 1990s, nationalism became the main quality of Azerbaijani literature, which was the beginning of a moral, ideological struggle for national liberation, independence and this was the beginning of a series of literary-aesthetic events. Effects of various aesthetic and artistic factors, those or other philosophical ideas and trends are seen in the subsequent phase of the genre from 1990 to 2010. Fragmentation, multiplicity, complexity of reality around 1990–2010 became one of the most common problems in the novel. Thus, in modern Azerbaijan prose, the genre is modified by the genre, relying on new methodologies and replacing socialist realism with different versions of realism and other modernist, or post-modernism styles.

Key words: modern prose, a novel “Sound”, image of a dog, the soviet regime, symbolism, psychological food, convention, associative plot, a novel “Illegal game”, folk game, magical realism.